

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ И ПЕРСПЕКТИВ БОРЬБЫ С ЭКСТРЕМИЗМОМ В РОССИИ

В.И. Карпенко, глав. аналитик отдела ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, cspp@extech.ru

Д.Б. Изюмов, зам. дир. центра ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, izyumov@extech.ru

Е.Л. Кондратюк, нач. отдела ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, kel@extech.ru

Рецензент: Ю.А. Ясносокирский, Университет «Синергия», канд. юрид. наук,
dan63@rambler.ru

В статье содержится экспертная оценка проекта Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации с позиции ударно-организационного концепта информационно-психологической составляющей войны периода перехода в информационное общество.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, радикализм, фундаментализм, противодействие, ударно-организационный концепт, информационно-психологическая составляющая, информация, психология, конфликтология, религия, ислам, ваххабизм.

EXPERT ASSESSMENT OF THE STATE AND PROSPECTS OF THE FIGHT AGAINST EXTREMISM IN RUSSIA

V.I. Karpenko, Chief Analyst, SRI FRCEC, cspp@extech.ru

D.B. Izumov, Deputy Director of Centre, SRI FRCEC, izyumov@extech.ru

E.L. Kondratyuk, Head of Department, SRI FRCEC, kel@extech.ru

The article contains an expert assessment of the draft Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation from the standpoint of the shock-organizational concept of the information-psychological component of war during the transition to the information society.

Keywords: extremism, terrorism, radicalism, fundamentalism, counteraction, shock-organizational concept, information-psychological component, information, psychology, conflictology, religion, Islam, Wahhabism.

Сегодня экстремистские проявления в России относятся к наиболее значимой проблеме, связанной с политическими, этническими и религиозными нарастающими проблемами. Еще в ноябре 2014 г. на заседании Совета Безопасности РФ при рассмотрении проекта «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» [1] Президент РФ В.В. Путин в своем выступлении подчеркнул опасность самой природы экстремизма, разрушительный потенциал его идеологии. Глава государства указал, что в современном мире экстремизм используется как инструмент геополитики и передела сферы влияния.

Экстремизм в поведении человека и социальных групп – явление, свойственное каждой исторической эпохе и каждой стране, в наибольшей степени проявляющееся в период коренных реформ в обществе. «Это его (общества) внутренний недуг, порождаемый главным образом дисгармоничным развитием в социальной, политической и культурной областях» [2].

Экстремизм является спутником существенных ухудшений условий жизни граждан, образующегося вакуума социальных ценностей, ухудшения материальных условий жизни и неясностей будущих жизненных перспектив населения. Как сложное социально значимое правовое явление, экстремизм базируется на политических, идеологических, национальных

и религиозных различиях, но в любых формах своего проявления он угрожает безопасности граждан России, оказывая негативное влияние на их жизнь, оказывая серьезное психологическое воздействие на обычных людей, влечет за собой весьма существенные политические, экономические и моральные потери общества и государства в целом [3].

Экстремизм – это всегда антигосударственное преступное деяние, которое идеологически обосновано, политически, национально и (или) религиозно окрашено. Если в этом преступном деянии отсутствуют перечисленные признаки, то это общеуголовное преступление.

Современные проявления экстремизма сопровождаются увеличением количества преступлений и ростом уровня насилия. Множество выявленных преступлений экстремистского характера связаны с событиями на Украине, проблемами миграции и др.

«За последние 10 лет правоохранительными органами выявлено почти 12 тысяч таких преступлений (экстремистской направленности. – *Авт.*). К уголовной ответственности привлечено около 9 тысяч лиц. В судебном порядке запрещена деятельность более 70 экстремистских организаций, функционирование свыше 170 иностранных структур признано нежелательным. Больше 3 тысяч материалов радикального характера признаны экстремистскими», – констатируется в разделе VII проекта Указа Президента Российской Федерации «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации».

В середине января 2024 г. Председатель Следственного комитета РФ А. Бастрыкин сообщил, что в 2003 г. возглавляемое им ведомство направило в суд 430 уголовных дел об экстремизме, что на 62% больше, чем годом ранее. Рост числа уголовных дел об экстремизме в РФ объясняется увеличением активности вербовщиков¹.

По данным статистики, в январе 2023 г. МВД России зарегистрировало 134 преступления экстремистской направленности, что на 157,7% больше, чем за аналогичный период 2022 г. Большинство таких преступлений, уверяют в ведомстве, совершают в Интернете. В январе же 2022 г. зарегистрировали 52 преступления экстремистской направленности (на 15,6% больше, чем в 2021 г.), в январе 2021 г. – 45 (на 27,4% меньше, чем в 2020 г.), в январе 2020 г. – 62 (более чем на 77% больше, чем в 2019 г.) и в 2019 г. – 35 (на 60,2% меньше, чем в 2018 г.). Для наглядности на рис. 1 представлена тенденция изменения количества преступлений экстремистской направленности за период с 2018 по 2023 г.²

По данным главы Росфинмониторинга Ю. Чиханчина, в текущем 2024 г. ведомством были заморожены активы лиц, причастных к терроризму и экстремизму, на сумму свыше 200 млн руб., что почти вдвое превышает сумму, заблокированную в 2023 г., – 115 млн руб. В Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской или террористической деятельности, имеющийся у Росфинмониторинга, внесено свыше 15 тыс. чел.³

Проявления экстремизма становятся все более жестокими. Причем особое место в этом ряду занимает экстремистское поведение молодежи, связанное с совершением действий насильственного характера по этническим, религиозным или политическим мотивам [4]. И в данный момент борьба с экстремизмом в России становится важнейшей задачей как для органов власти, так и для самих людей, которые могут поспособствовать борьбе с ним.

Министерство внутренних дел РФ подготовило новую стратегию противодействия экстремизму до 2025 года, сформулировав основные цели и задачи государственной политики в этой сфере и опубликовав проект указа Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Стратегию противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденную Президентом Российской Федерации 28 ноября 2014 года № Пр-2753» на портале проектов нормативных правовых актов⁴.

¹ URL: <https://www.kommersant.ru> (от 15.01.2024; дата обращения: 23.10.2024).

² URL: <https://tass.ru> (от 04.03.2023; дата обращения: 23.10.2024).

³ URL: <https://tass.ru> (от 16.07.2024), <https://www.interfax.ru> (от 14.05.2024) (дата обращения: 23.10.2024).

Проектом указа актуализируются положения Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, определяются целевые показатели и ожидаемые результаты ее реализации.

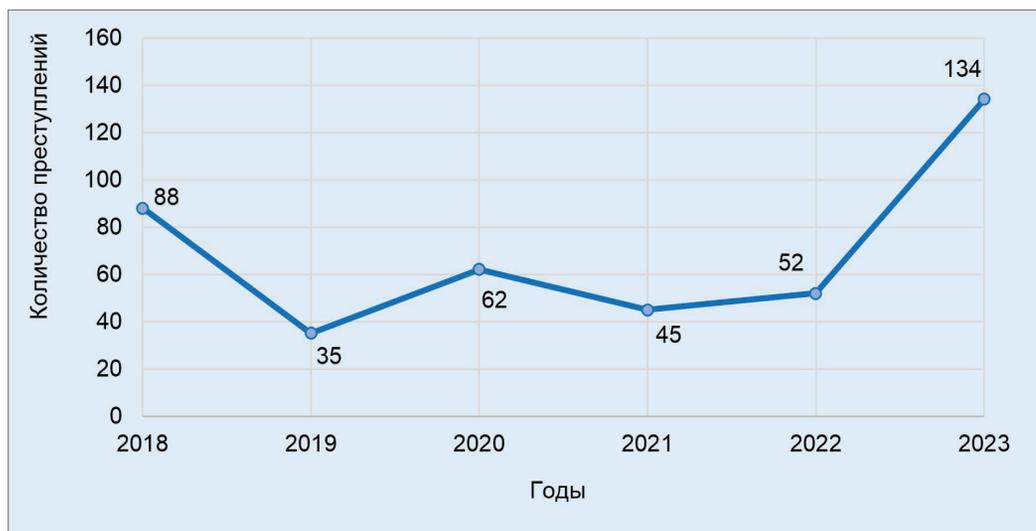

Рис. 1. Тенденция изменения количества преступлений экстремистской направленности за период с 2018 по 2023 г. (по данным статистики МВД России)

Документ призван заменить действующий Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» и конкретизирует положения Закона «О противодействии экстремистской деятельности» и указов от 02.07.202 № 400 «О стратегии национальной безопасности», от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей» и от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

Проект МВД России Стратегии дополняет действующий перечень понятий определениями: «идеология насилия», «сепаратистские проявления (сепаратизм)» и «пропаганда экстремизма». В нем впервые сформулированы определения понятий «ксенофобия» и «руссофобия».

Проектом предусмотрена постановка комплекса задач организационного и правового характера, он охватывает законодательную и правоохранительную деятельность, а также практически все направления государственной политики, включая национальную, миграционную, молодежную, культурную и информационную.

Важная роль отведена участию институтов гражданского общества, образовательных организаций в противодействии экстремистским проявлениям на территории России.

Авторы новой Стратегии подчеркивают, что наиболее опасные угрозы экстремистского характера исходят от «широкого распространения идей неонацизма, укрепления радикальных националистических вооруженных формирований, в том числе на Украине».

Главное достоинство документа – адаптация к реалиям современного мира и направленность на повышение эффективности противодействия и профилактики экстремизма в России. Однако, как представляется, в нем отсутствует одно концептуальное положение,

⁴ URL: <https://regulation.gov.ru> (от 22.07.2024, дата обращения: 23.10.2024).

акцентирующее суть современного экстремизма в условиях перехода в информационное общество, формирования нового миропорядка и, как следствие, определяющее стратегию и тактику практического противодействия этому явлению. Речь идет о наличии в понятийном аппарате проекта Стратегии информационно-психологического термина, давно используемого в обиходе.

В проекте Стратегии содержится упоминание «информационно-психологического воздействия» зарубежных спецслужб, которые имеют цель «разрушения традиционных российских духовно-нравственных ценностей, дестабилизации внутрисполитической и социальной ситуации в стране». В основном же данный контент выражен терминами: «информационное», «информационно-телекоммуникационное», «информационное противодействие». Однако этого недостаточно для понимания сути современного экстремизма, и вот почему.

В Третьей мировой постиндустриальной войне, идущей с 2013 г., во главе замысла военных действий нового гибридного типа оказались не объекты силы и их взаимосвязи и даже не иные субъекты управления войсками и оружием, а информационная среда (коллективное бессознательное популяции-мишени). Информационные воздействия значимы не столько сами по себе, столько тем, что приводят в действие мощные вещественно-энергетические процессы, управляют ими. Суть же влияния информации как раз и заключается в ее способности возбуждать и контролировать вещественно-энергетические процессы, по масштабам значительно превосходящие саму информацию.

Информационно-психологическое воздействие – целенаправленное производство и распространение специальной информации, оказывающей непосредственное влияние (положительное или отрицательное) на функционирование и развитие информационно-психологической среды общества, на психику и поведение гражданского населения и сотрудников силовых ведомств страны-субъекта. Задача информационно-пропагандистских акций – дестабилизация жизни общества, подготовка условий для успешного проведения политических, экономических и военных действий против какого-либо государства. Так как объектом информационно-психологического воздействия являются люди, то главная задача информационно-пропагандистских акций в рамках такого воздействия – оказание влияния на духовную сферу жизни общества: общественное мнение и настроение, ценностные ориентации, взгляды, социально-психологический климат. Вывод очевиден: термины проекта Стратегии – «информационное» и т. п. – могут быть лишь составляющими термина «информационно-психологическое», явное отсутствие которого как ударно-организационного концепта в понятийном аппарате документа сокращает возможности/результаты практической деятельности государственных органов в противодействии экстремизму, является причиной неопределенности, недосказанности. В итоге – брешь в обороне и наступлении в противоборстве с экстремизмом.

Далее назовем исходные положения обоснования высказанной позиции авторов. Это: а) «экстремизм – основа терроризма» и б) отсутствие единого «общепринятого» определения экстремизма.

Вне связи с терроризмом говорить об экстремизме не имеет смысла, так как современный терроризм – это не субъект политики с соответствующими атрибутами: собственной идеологией, штаб-квартирой, армией и т. д. Однако ему присущи вполне определенные объединяющие политические, идеологические и психологические факторы, которые составляют цепь взаимосвязанных понятий: радикализм – экстремизм – фанатизм – фундаментализм – и в итоге терроризм.

Экстремизм порождает «социально-экономические кризисы, деформация политических институтов, резкое падение жизненного уровня, ухудшение социальных перспектив значительной части населения, доминирование в обществе чувств, настроений хандры, пассивности, социальной и личной нереализованности, неполноты бытия, страх перед будущим, подавление властями оппозиции, инакомыслия. Он (экстремизм) также определяет блоки-

рование легитимной самодеятельности человека, национальный гнет, амбиции лидеров политических партий, ориентации лидеров и авторов политического процесса на экстремальные средства политической деятельности. Социальную базу экстремизма составляют маргинальные слои, представители националистических, религиозных движений, недовольные существующей политической реальностью интеллигенция, молодежь, студенчество, военные» [5].

Экстремизм выступает против сложившихся социальных структур и политических институтов в политическом плане; против всякого рода инакомыслия, стремясь предельно жестко утвердить свои политические, идеологические и религиозные взгляды и навязать их своим оппонентам – в идеологическом отношении.

Напомним, что различают экстремизм государственный и оппозиционный. Государственный проводят властные структуры, его основное оружие – демагогия и репрессия. Данный вид, как правило, используют нестабильные режимы с низким уровнем легитимности власти.

Оппозиционный экстремизм осуществляется антирежимными группировками, преимущественно посредством террористических актов.

Политический экстремизм делится на «левый» (анархисты, марксисты, троцкисты, маоисты и т. д.) и «правый» (обличают пороки буржуазного общества с крайне консервативных позиций, критикуя его за потребительство, отсутствие порядка, падение нравов и т. д.), а также не на вполне политические формы: религиозную (прежде всего – исламский, противопоставит и левым, и правым политикам) и националистическую (защищает интересы «своей нации», отвергая аналогичные интересы других этнических групп; часто связан с сепаратизмом).

Современные виды экстремизма – экологический и антиглобалистский. Первые выступают против собственно научно-технического прогресса. Например, экологическая организация Green Peace постоянно балансирует на грани откровенного терроризма. Вторые борются против координированного транснационального решения общемировых проблем, полагая, что за этим стоят интересы нового капиталистического центра.

Говоря о России, нетрудно заметить в современном всплеске экстремизма/терроризма определенную генетическую связь с прошлым. Подчеркнем, что глубокое и правдивое исследование этого явления в его прошлом и настоящем сослужит полезную службу в его преодолении и недопущении в будущем. Данный исторический подход позволил определить периоды «становления» экстремизма в России, а также сделать важное заключение: как таковой общей системы противодействия экстремизму как противоправному явлению не было в силу того, что оно было новым для России и не изученным.

Назовем этапы экстремистского «роста».

Первый период – дореволюционный. В нем наиболее распространенной формой экстремизма был терроризм.

Далее – советский этап (1917–1991 гг.), характерными чертами которого являлись слабая экстремистская активность и, как следствие, отсутствие в уголовном праве ответственности за экстремистскую деятельность. Субъектами экстремистской деятельности являлись представители рабоче-крестьянской молодежи; наиболее распространенной формой проявления экстремизма были контрреволюционные преступления в 1920-х гг. и преступления против порядка управления.

Переходный этап (1991–2000 гг.), когда, по мнению исследователей, экстремизм достиг пика своего развития, характеризуется следующими чертами: массовое распространение экстремизма в России; отсутствие в уголовном праве ответственности за экстремистскую деятельность; субъектами экстремистской деятельности являлись представители незанятой молодежи; разнообразие форм проявления экстремизма (терроризм, сепаратизм, национализм и др.).

На современном этапе развития экстремизма (2000 г. — настоящее время) выделяются следующие характерные черты: формальное закрепление в праве понятия экстремистской деятельности (экстремизма); законодательное закрепление ответственности за экстремистскую деятельность; разработанная система противодействия экстремизму как противоправному явлению; многообразие форм проявления экстремизма; появление новых форм проявления экстремизма; глобальность проявления современного экстремизма; многообразие субъектов экстремистской деятельности: от отдельных лиц групп до общественных организаций (религиозные и светские) и даже (на определенных этапах) целые государства и их союзы.

Важно отметить, что, независимо от порождающих факторов, разные виды экстремизма на разных исторических этапах объединяет общая психологическая основа: «насилие или его угроза, обычно вооруженного; одномерность, однобокость в восприятии общественных проблем, в поиске путей их решения, фанатизм, одержимость в стремлении навязывать свои принципы, взгляды оппонентам; бездумное, беспрекословное выполнение всех приказов, инструкций; опора на чувства, инстинкты, предрассудки, а не на разум; неспособность к толерантности, компромиссам либо игнорирование их. Экстремизм смыкается с крайним радикализмом, терроризмом, нигилизмом, революционностью, вождизмом» [6].

Из вышесказанного ясно, что составляет понятие экстремизма, но каково его «общепринятое» определение?

«Экстремизм (от лат. *Extremu* — «крайний, чрезмерный») — приверженность крайним и радикальным взглядам, методам действий», — говорится в Российском энциклопедическом словаре [7]. Дополним эту трактовку:

— Резолюцией Парламентской ассамблеи Совета Европы от 2003 г.: «экстремизм представляет собой форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, ксенофобии, антисемитизма и ультранационализма» [8];

— Шанхайской конвенцией о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15.06.2001 (п. 3 ч. 1 ст. 1): ««экстремизм» — какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [9].

В отношении России эксперты отмечают, что в действующем отечественном законодательстве отсутствует само понятие «экстремизм». Юридическое же определение того, какие действия считаются экстремистскими, содержится в ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 29.04.2008) с поправками от 23.11.2015. Кстати, в соответствии с последними: «Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами» [10].

Этот Закон дополнил Уголовный кодекс РФ статьями, предусматривающими ответственность за организацию экстремистского сообщества и организацию деятельности экстремистской организации. В самом УК РФ вопросы уголовной ответственности за экстремизм рассматриваются ст. 280, ч. 1–3. Необходимо отметить, что это лишь статьи УК РФ, непосредственно касающиеся экстремистской деятельности. Также под преступлениями экстремистской направленности понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ [11].

В некоторых случаях действия, связанные с экстремизмом, могут не наказываться в уголовном порядке. Существует ряд правонарушений, не рассматриваемых в качестве общест-

венно опасных, и по отношению к ним, соответственно, могут предприниматься меры административного характера.

К таковым можно отнести: ст. 13.15 КоАП РФ (правонарушения, связанные со свободой распространения информации и частично затрагивающие вопросы экстремизма), ст. 13.37 КоАП РФ (правонарушения, заключающиеся в предоставлении аудиовизуальными сервисами доступа к экстремистским материалам), ст. 20.3 КоАП РФ (предусматривается административная ответственность за правонарушение экстремистского характера, проявляющееся в публичном демонстрировании нацистской или экстремистской символики и атрибутики, равно как и сходных с ними), ст. 20.29 КоАП РФ (закрепляют ответственность за изготовление или распространение материалов экстремистского характера).

Важно понимать, что формулирование «общепринятого» – всегда субъективный и политический вопрос, поэтому в любой дискуссии на тему экстремизма затрагивается следующее: одни экстремистские действия могут рассматриваться разными людьми положительно («борьба за свободу»), а другие – отрицательно («терроризм»), это зависит от ценностей, политических убеждений оценивающего, а также от его отношений с деятелем.

Кроме того, оценка одного и того же действия у конкретного человека может меняться в зависимости от условий: руководства, мнения мирового сообщества, кризисов, «сведения исторических счетов» и т.д.; различие сил также имеет значение при определении экстремизма, поскольку во время конфликта действия членов более слабой группы часто выглядят более экстремальными, чем такие же действия членов более сильной группы, защищающей свой статус-кво; также более слабые группы скорее предпочтут прямые и эпизодические формы насилия (например, подрывы террористов-смертников), тогда как доминантные группы склонны к более структурированным формам насилия (вроде тайного использования пыток).

Несмотря на то что экстремистские группы часто рассматриваются как единые, важно понимать, что и внутри этих групп могут быть конфликты и разные мнения по разным вопросам. В конечном счете, основная проблема, которую экстремизм представляет в ситуациях затяжного конфликта, заключается не столько в серьезности действий, сколько в большей степени в закрытом, фиксированном и нетерпимом характере экстремистских настроений и их последующей невосприимчивости к изменениям.

Также отметим, что давать определения экстремизма, «религиозного фундаментализма», «экстремизма на религиозных или национальных основаниях» и пр. можно в разных системах ценностей. Политологический подход, из которого вырастают и правовые формулировки, диктует один тип описания фундаментализма и экстремизма. В религиозной системе ценностей фундаментализм получает совершенно иное наполнение, а существование религиозного экстремизма вообще может быть поставлено под сомнение. Например, то, что в религиозном мироощущении воспринимается как Божественная миссия, в политологическом или правовом контексте может восприниматься как экстремизм религиозного общества.

Таким образом, конфликт интерпретаций порождается разностью ценностных подходов. При этом каждое сообщество (религиозное, этническое, правозащитное, корпоративное и пр.) транслирует в общество свое видение и понимание, формирует общественное мнение.

В целом проблема экстремизма – это явление, традиционно изучаемое в психологии общения или – более конкретно – в психологии конфликтного взаимодействия. На индивидуальном-психологическом уровне этот феномен обычно связывается с особенностями поведения авторитарной личности как жизненной установкой и способом агрессивного взаимодействия с окружающим социальным миром. Эта установка опирается на принцип тотального использования авторитарным человеком социального окружения для реализации своих эгоистических интересов и выступает механизмом психологической защиты от комплекса неполноценности.

Кроме этого, экстремистская форма взаимодействия в конфликтологической литературе обычно рассматривается как сознательная тактика манипуляции для реализации человеком, опять же, своих эгоистических интересов с отношением к объекту взаимодействия как средству. Попутно отметим, что подобные тактики считаются деструктивными.

Сказанное исчерпывающе показал преподобный отец С. Булгаков на примере дореволюционного экстремизма российской интеллигенции XIX – начала XX в. как «героизм самообожения». Его психологический анализ актуален до сих пор. Так, в работе «Героизм и подвижничество» он указывает, что экстремисты, исходя из собственных представлений о мире и обществе, убеждены в необходимости их реализации в реальной жизни. А так как это, кроме них, сделать никому, то они неизбежно приходят к «самообожению» – самообожествлению, т.е. «поставлению себя вместо Бога, вместо Провидения», субъективно «чувствуют себя героями, одинаково призванными быть провидением и спасителями». Данное представление также неизбежно ведет к терроризму. «И те горькие разочарования та неизгладимая из памяти картина своеволия, экспроприаторства, массового террора, все это явилось не случайно, но было раскрытием тех духовных потенций, которые необходимо таятся в психологии самообожения» [12].

«Ничто так не утверждает психологию героизма, как внешние преследования, гонения, борьба с ее перипетиями, опасность и даже гибель, – пишет С. Булгаков. – Из самого существа героизма вытекает, что он предполагает пассивный объект воздействия – спасаемый народ или человечество, между тем герой – личный или коллективный – мыслится всегда лишь в единственном числе».

Высказанная С. Булгаковым мысль является одной из базовых основ разработанных в конфликтологии способов эффективного противодействия деструктивным практикам экстремизма. При этом учитывается, что на групповом уровне экстремистские формы взаимодействия, хотя и реализуемые конкретными носителями групповых интересов, отражают идеологию этих групп и служат реализации групповых целей.

Признавая трудности содержательного определения экстремизма, авторы статьи солидарны с существующим экспертным определением экстремизма как термина, используемого для описания действий или идеологических представлений индивидов или групп, выходящих за пределы принятых в обществе правовых и этических норм. В политическом экстремизме это означает: 1) принятие и отстаивание политической позиции (идеи) без учета неприемлемости «отрицательных» воздействий на оппонентов с целью не просто противостоять, но уничтожить их; 2) нетерпимость к ценностным ориентациям других субъектов, имеющих противоположную позицию; 3) использование таких средств для достижения политических целей, которые игнорируют жизненные установки и права других людей.

В целом в экстремистском стиле поведения присутствуют три общих момента: стремление исказить реальность в угоду своим идеологическим представлениям; уходить в сторону от критического рассмотрения своих убеждений, используя фальшивую логику рассуждений; стремление взаимодействовать, исходя из личного недоброжелательства к оппонентам и рационализации своих специфических интересов под предлогом общественного благополучия. Близким понятием является концепция радикализма, далее – фундаментализма, фанатизма и шовинизма. Кроме того, в настоящее время популярны термины «исламский фундаментализм» и близкий к нему «исламский радикализм» – идеология, следуя которой мусульманам необходимо жить в соответствии с самыми жесткими требованиями Корана и по законам шариата.

Радикальное исламское движение является реальным фактором современной политической жизни. Наибольшую опасность представляет его экстремистское крыло, деятельность которого стала одним из ключевых факторов, дестабилизирующих международную обстановку. «Исламский» экстремизм обладает мощным потенциалом, нацеленным на экспан-

сию наиболее реакционных положений своих идеологических доктрин и эскалацию политической практики насилия. Идеологической базой и одновременно политической практикой радикального исламского движения, осуществляемого в самых разнообразных формах, «основным поставщиком и главным распространителем терроризма» является радикальный ислам (другие названия – исламский радикализм, или исламизм) [13].

«Религиозная» составляющая информационно-психологического содержания проекта Стратегии по противодействию экстремизму отражена, в частности, в разделе II «Основные источники угроз экстремизма в современной России», п. 13 документа. В нем говорится: «В современных социально-политических условиях крайним проявлением экстремизма является терроризм, который основывается на экстремистской идеологии. Угроза терроризма будет сохраняться до тех пор, пока существуют источники и каналы распространения этой идеологии». В п. 18 того же раздела: «Особую тревогу вызывает проникновение из других государств радикальных течений ислама, проповедующих их исключительность и насильственные методы распространения».

В связи с этим представляется важным дополнить текст проекта Стратегии понятием «ваххабизм как противопоставление исламу» как ударно-организационным аспектом информационно-психологического компонента противодействия экстремизму. Это обусловлено исторически и логически, так как известно, что мусульмане предпочитают не употреблять термины «экстремизм», «фундаментализм», «радикализм»; они используют термин «аль-исламийюн» (исламисты), имея в виду тех, кто выступает за реисламизацию общественно-политической жизни и государственно-политического устройства в мусульманских странах, которые, с точки зрения исламистов, нуждаются в реформировании по критериям «чистого» ислама. В этих случаях реисламизация предполагает борьбу за то, чтобы шариат (буквально: прямой путь), т.е. закрепленные Кораном и сунной предписания, стали единственным законодательным основанием всей частной и публичной жизни.

Исламизм можно определить как новейшее религиозно-политическое движение протеста в странах мусульманской культуры, направленное против глобалистских экспансий общественных отношений, выработанных секулярным (обезбоженным) обществом новоевропейского Запада. Введя различие между исламом и исламизмом, далее следует различать фундаментализм и экстремизм в исламе.

Фундаментализм – это опыт обращения к духовным источникам первоначальной веры, необходимый для религиозного сознания всякий раз, когда меняются условия жизни и одна эпоха сменяет другую. Важно понимать, что, строго говоря, любая религия является по определению «фундаменталистской», так как неизменно отсылает верующего к первоисточнику вероучения. Иначе говоря, любое «нефундаменталистское» религиозное поведение ведет к утрате собственно религиозного содержания и в итоге вырождается либо в мертвый культ, либо в ширму для чисто реальных материальных и политических воцелений.

В XVIII веке фундаменталистом был автор «Китабат-таухид» («Книга единобожия») Муххамад ибн Абд аль-Ваххаб, призывающий основываться исключительно на «книге Аллаха» и «достоверных хадисах» (авторитетно зафиксированных примерах из жизни Мухаммада). Аль Ваххаб – автор религиозного учения «ваххабизм», идеологической основы современного экстремизма и терроризма [14].

Термин «ваххабизм» может пониматься в двух значениях: 1) собственно ваххабизм – учение Мухаммада бен Абд аль-Ваххаба и его арабийских последователей (арабийский ваххабизм); 2) собирательный термин, обозначающий все течения Нового и Новейшего времени, которые укладываются в определение возрожденческого направления в исламе, включая и те, которые в большей или меньшей степени связаны с арабийским ваххабизмом (неоваххабизм).

Основными положениями ваххабизма XVIII в. являлось: очищение ислама от нововведений и возврат к первоначальному исламу времен пророка Мухаммада; отказ от культа свя-

тых, поскольку только Аллах достоин поклонения; строгое соблюдение морально-этических норм ислама, осуждающих стяжательство, роскошь, блуд, пьянство и т.д.; проповедь мусульманского единства, братства, социальной гармонии; пропаганда джихада против язычников, к которым относились и мусульмане, отошедшие от принципов «чистого», первоначального ислама. Ваххабитам XVIII века были присущи фанатизм и экстремизм в борьбе со своими противниками во имя установления власти, которая должна руководствоваться исламскими законами, ибо иное правительство не имеет права на существование, поскольку политика и ислам не могут существовать раздельно. Джихад в идеологии ваххабитов занимает особое системообразующее положение. Во-первых, он трактуется прежде всего как вооруженная борьба; во-вторых, ведение джихада вменяется в обязанность каждому мусульманину (естественно, физически и умственно способному к этому); в-третьих, объект джихада – кафиры («неверные»).

Исторически ваххабизм явился идейным столпом Саудовского государства: до начала XX века он играл роль объединяющей идеологии в процессе сплочения аравийских племен. Однако в 1929 г. началось принципиальное размежевание монархии с экстремистским духовенством. И хотя ваххабизм является господствующей в Саудовской Аравии идеологией, главные положения раннего ваххабизма отвергнуты нынешними саудовскими властями, которые официально осуждают экстремизм и взаимную нетерпимость между мусульманами и представителями других религий. Сейчас религиозная среда Королевства Саудовская Аравия чрезвычайно дифференцирована, а его граждане называют себя не ваххабитами, а салафийун – последователями веры праведных предков.

«Неоваххабизм» в мусульманских регионах СНГ представлен весьма разнородными организациями и общинами, связанными с аравийским ваххабизмом лишь общим пониманием «оздоровления» мусульманского общества путем обращения к установке раннего ислама. Применение к ним терминов «ваххабиты» или «неоваххабиты» является крайне условным и указывает лишь на их общую принадлежность (вместе с аравийскими ваххабитами) к возрожденческому (фундаменталистскому) течению в исламе, но не на идейную близость к ваххабизму Мухаммада бен Абд аль-Ваххаба. Соответственно, и провозглашаемые ими лозунги джихада («священной войны») являются, скорее, одним из средств реализации неких экономических и геополитических интересов, зачастую не связанных с истинными религиозными устремлениями.

Все вышесказанное свидетельствует в пользу внесения в текст проекта Стратегии смысловой оговорки «ваххабизм как противопоставление исламу», акцентирующей ее ударно-организационный характер и понимание того, что линии «водораздела» мусульманского мира относятся больше к сфере политики, чем религии. Так, «ла илахаилля-ллах» («нет божества, кроме Аллаха») – это формула зикра как главного элемента ритуальной духовной практики суфийских братств, но это одновременно и формула таухида, утверждаемого последователями Аль-Ваххаба, воюющими против ислама суфиев и суфийских орденов. Это же обстоятельство – предпосылка для диалога различных вероучений в исламе, достижения общемусульманского межконфессионального мира и доказательство того, что разделительная линия между борющимися силами проходит не по линии «ислам – враги ислама», а по направлениям схватки крупных материально-экономических интересов, находящихся вне пределов мусульманской веры как таковой, во-первых, а во-вторых, по линии столкновения традиционных форм бытования ислама в тех или иных регионах (например, на Северном Кавказе и в мусульманских регионах СНГ) с формами инокультурными и иностранными, стремящимися к экспорту «своего» ислама. Этот двойной «водораздел» в случае его искусственного углубления легко становится инструментом межнационального конфликта в условиях аграрного перенаселения и ограниченности земельно-водных ресурсов.

Вывод: любые попытки привить ценности обезбоженного мироустройства обществу, сохраняющему религиозные чувства, порождают мощную реакцию отторжения с перемежаю-

щимися волнами террора и контртеррора, а в пределе — с угрозой распада данного сообщества и данного государства.

Таким образом, итогом экспертной оценки подготовленного МВД России проекта Стратегии по борьбе с экстремизмом в РФ стало несколько корректирующих документ предложений.

1. Целесообразно внести в содержание проекта Стратегии понятия информационно-психологической составляющей противодействию экстремизма и ваххабизма как противопоставления исламу. Это придаст документу ударно-организационный концепт, отражающий значимость проблемы.

К сказанному добавим, что западные ученые, исходя из обоснования психологической природы терроризма, выдвигают тезис, согласно которому психологическая наука начинает играть главную роль в решении проблем противодействия вызовам третьего тысячелетия. Так, Американская психологическая ассоциация, реагируя на события 11.09.2001, сформировала специальную подкомиссию, основная цель которой — координация усилий психологического сообщества, разработка мер и способов участия психологов в решении практических проблем реагирования на угрозы и последствия террористических действий. В числе последних — формирование в мировом сообществе культуры мира и развитие межкультурного диалога; обеспечение социальных знаний и экспертиз в таких сферах, как отбор и подготовка персонала, работающего в области борьбы с экстремизмом/терроризмом; объяснение способов формирования предубеждений, фанатизма, экстремизма, гетеростереотипов, террористических установок; работа с жертвами актов насилия и экстремизма/терроризма; формирование гуманистических установок и ориентации личности; проведение прикладных и эмпирических исследований конкретных аспектов и вопросов экстремизма/терроризма.

В связи с этим особенно велико значение социальной психологии в исследовании и преодолении экстремизма. Именно социальная психология позволяет выявить скрытые механизмы и глубинные корни экстремизма в непосредственном общении между людьми, во взаимодействии микро- и макросреды.

Наконец, борьба с экстремизмом все еще пока сконцентрирована на самих экстремистах, а не на социальных источниках этого феномена. Социальные психологи могут немало сделать для снижения этой угрозы, если их внимание будет обращено не только на объяснение негативных явлений и процессов (социальную напряженность и конфликты, ксенофобию), но и на механизмы социальной интеграции.

В качестве дополнительной аргументации к вышесказанному и предлагаемым замечаниям приведем пример постоянно действующего с начала 50-х гг. прошлого столетия проекта ЦРУ США «Пересмешник», направленного на уничтожение христианства и национальных государств, которые мешают созданию единого мирового правительства. Его можно рассматривать как «западную» часть «религиозной» составляющей современного экстремизма в дополнение к его «восточной» части, представленной ваххабизмом. Значимость «Пересмешника» в том, что это лишь один из немногих ставших известными проектов уровня государственных секретных служб по достижению поставленной цели посредством управляемой синергии потенциалов общества, капитала и государства.

2. По-прежнему остается трудноконкретизированным понятие «экстремизм». Как следствие, усиление антиэкстремистского законодательства, призванное, в идеале, карать за реальный экстремизм, в итоге может стать инструментом расправы с инакомыслящими, с политической оппозицией, незаконных репрессивных действий государства и борьбы в бизнесе.

Поэтому, если идеальной формулировки в общей Стратегии добиться сложно (если не невозможно), то, вероятно, следует идти по пути детального перечисления конкретных видов экстремистской деятельности в статьях законов об экстремизме или в подзаконных

актах. А это есть содержание ударно-организационного концепта информационно-психологической составляющей противодействию экстремизма.

3. Особо хотелось бы обратить внимание на роль и значение российских элит в концепции новой Стратегии, отраженной в документе в разделе III, п. 27д: «...а также проведение на системной и регулярной основе работы с привлечением видных деятелей культуры, науки, авторитетных представителей общественности, информационного сообщества, конфессий и национальных общин по разъяснению сути противоправной деятельности лидеров экстремистских организаций».

Именно у упомянутых представителей игнорирование хорошо известных, а то и очевидных фактов и обстоятельств или непоследовательность в рассуждениях меньше всего можно объяснить случайностью, отсутствием привычки к систематическим рассуждениям или незнанием. Особенно у представителей академических научных кругов системность сочетается с рефлексивным, критическим подходом и достоинствами здравого смысла, что в итоге дополняет суть рассматриваемой проблемы, способствует созданию базы для выработки конкретной стратегии и практики.

Не случайно в комментариях МВД России к документу сообщается, что к работе над проектом Стратегии привлекались представители научного сообщества, так как именно их знания об обществе позволяют определить и проводить в жизнь долгосрочный план действий. При этом имеются в виду не идеалы вроде «демократических свобод», а более конкретные цели, задающие грядущему обществу «параметры» духовно-нравственных и правовых отношений, норм и ценностей. В этом отношении показателен пример С. Булгакова.

Кроме того, – и это об упомянутой выше определенной генетической связи с прошлым, – террор, насилие и грубый произвол в политической деятельности осуждали выдающиеся представители русской интеллигенции, среди которых были ученые Д.И. Менделеев, Н.И. Пирогов, И.М. Сеченов, А.М. Бутлеров, Н.М. Пржевальский, А.Н. Бекетов, философы П.А. Флоренский, Н.Я. Данилевский, В.С. Соловьев, Б.Н. Чичерин, композиторы П.И. Чайковский, М.А. Балакирев, А.Г. Рубинштейн и другие.

Так, П.И. Чайковский и его брат юрист А.И. Чайковский состояли в «Священной дружине» по борьбе с терроризмом, членами которой среди прочих также были меценат С.М. Третьяков и врач Н.И. Боткин. Деятельность дружины финансировали известные меценаты-предприниматели – С.И. Мамонтов, Т.С. Морозов, Третьяковы, Рябушинские, Гучковы, Щукины и др.

Известный хирург Н.И. Пирогов предлагал создать тайные организации для борьбы с террористами, используя их приемы и методы. Он писал: «Мне казалось бы наиболее надежным средством то, если бы полиция и общество взяли бы за образец для организации своих действий механизм действий самой крамолы и сражались бы с нею ее же оружием. Борьба должна бы быть не явную, а подпольную, скрытую от большинства общества и известную ему только по слухам и по результатам, которые при искусном ведении дела не замедлили бы обнаружиться Я уверен, что в возбужденном предшествовавшими событиями нашем обществе нашлись бы охотники, подобно добровольцам, принять участие в учреждении кружков, подобных кружкам Жонда и нынешних заговорщиков, а с тем вместе и в разных тайных экспедициях. И я думаю, что добровольцы, в этом случае, если не из патриотизма, то из охоты к сильным ощущениям были бы надежнее официальных агентов тайной полиции» И далее: «Принцип современных анархистов: всякое средство позволено для достижения предположенной цели – должен быть обращен против них самих. Борьба с крамолой сделалась бы, таким образом, не столько правительственной, сколько общественной. Правительство только наблюдало бы, покровительствовало бы своим партизанам и снабжало их средствами успешного ведения борьбы. Искусному государственному человеку в нынешнем положении можно было бы, хотя и не без труда, но, главное, без ума и огласки,

образовать тайное общество партизан для подпольной борьбы с антисоциальной и антигосударственной крамолой. Вместе с явным и тайным полицейским и общественным преследованием зла необходимо будет приступить тотчас же к новым и более органическим и не терпящим отлагательства реформам» [15].

Также важно принять во внимание и тот факт, что в упомянутый дореволюционный период среди народовольцев, избравших террор как средство борьбы с самодержавием, также было немало талантливых людей, способных иначе прославить свои имена. Так, один из активнейших деятелей «Народной воли» Н.А. Морозов был автором работ по терроризму, редактором главного печатного органа этой организации. В тюрьме он написал ценные труды по астрономии, а позже, получив свободу, стал крупным ученым в области химии, физики, астрономии и математики. В 1906 г. по представлению Д.И. Менделеева ему была присуждена степень доктора химических наук, а при советской власти Н.А. Морозов был избран Почетным членом Академии наук СССР, Академиком в области органической химии стал при советской власти и бывший народоволец А.Н. Бах.

В современных условиях представители научных и творческих элит любого государства входят в авангард борцов с экстремизмом как влиятельные и авторитетные эксперты. Значимость их роли интеллектуального спецназа в период перехода в новый цифровой миропорядок огромная. Не случайно одной из задач упомянутого проекта «Пересмешник» является выявление и дискредитация политиков, ученых, писателей, всех тех, кто пытается довести до общественности тайные планы мировой закулисы. Представители данной категории узнаваемы по определениям «конспиролог», «конспирологический», «конспирология», даваемым агентурой нового миропорядка – проплаченными политиками, представителями так называемой «академической науки», культуры, СМИ. Слово «конспирология» и иные однокоренные слова, тиражируемые СМИ, призваны эффективно уничтожить любого противника создаваемой новой реальности.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что понимание причин экстремизма ничего не даст для борьбы с ним, если мы не будем отчетливо представлять, как инициировать, усиливать и подкреплять объединительные общественные процессы: формирование доверия, толерантности, сетей социальной поддержки, позитивной групповой идентичности, культуры диалога и т.д. Именно это и составляет содержание ударно-организационного концепта информационно-психологической составляющей любой стратегии противодействия вызовам грядущего цифрового общества.

Статья выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Государственного задания 2024 г. № 075-00698-24-03.

Список литературы

1. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: утв. Приказом Президента РФ от 28.11.2014 № Пр-2753.

2. Дробужева Л., Паин Э. Политический терроризм и экстремизм // Век толерантности – 2003.

3. Гедугошев Р.Р., Корсаков Ю.В., Абазова М.В. Основные направления противодействия терроризму и экстремизму в современных условиях // Журнал прикладных исследований. 2021. Т. 2. № 5.

4. Жамборов А.А. Современный терроризм и экстремизм как потенциальная угроза безопасности государства // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 3.

5. Политическая психология / под общ. ред. А.А. Деркача, В.И. Жукова, Л.Г. Лаптева. М.: Академический проект, 2001.

6. Российский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2000.

7. Резолюция 1344 (2003). Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе / Архивная копия от 02.07.2012 на WaybackMachine.

8. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Заключена в г. Шанхае 15.06.2001). URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 23.10.2024).

9. Шебалина Я. Путин подписал закон о неподсудности священных книг // *Ведомости*. 23.11.2015.

10. Шестало С.С. Новый раунд борьбы с экстремизмом: уголовная ответственность за распространение запрещенных материалов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // *Юрист*. 2019. № 9.

11. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. М., 1909.

12. Карпенко В.И. Психологическая операция «ТЕРРОР». М.: Наука, 2006.

13. Карпенко В.И., Рудаков А.Б. Новая реальность: Террор – DeConspiratione // О заговоре: сб. монографий. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2013.

14. Пирогов Н.И. Неизданные страницы из мемуаров (политическая исповедь) // О минувшем. СПб., 1909.

References

1. *Strategiya protivodeystviya ekstremizmu v Rossiyskoy Federatsii do 2025 goda: utv. Prikazom Prezidenta RF ot 28.11.2014 No. Pr-2753* [Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation until 2025: approved. by Order of the President of the Russian Federation dated November 28, 2014 No. Pr-2753].

2. Drobizheva L., Pain E. (2003) *Politicheskiiy terrorizm i ekstremizm* [Political terrorism and extremism] *Vek tolerantnosti – 2003* [The Age of Tolerance – 2003].

3. Gedugoshev R.R., Korsakov Yu.V., Abazova M.V. (2021) *Osnovnye napravleniya protivodeystviya terrorizmu i ekstremizmu v sovremennykh usloviyakh* [Main directions of countering terrorism and extremism in modern conditions] *Zhurnal prikladnykh issledovaniy* [Journal of Applied Research]. Vol. 2. No. 5.

4. Zhamborov A.A. (2021) *Sovremennyy terrorizm i ekstremizm kak potentsial'naya ugroza bezopasnosti gosudarstva* [Modern terrorism and extremism as a potential threat to state security] *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation]. Vol. 14. No. 3.

5. *Politicheskaya psikhologiya. Pod obshch. red. A.A. Derkacha, V.I. Zhukova, L.G. Lapteva* [Political Psychology (2021). Ed. A.A. Derkach, V.I. Zhukov, L.G. Lapteva] *Akademicheskiiy proekt* [Academicheskiiy Proekt]. Moscow.

6. *Rossiyskiiy entsiklopedicheskiiy slovar'. Gl. red. A.M. Prokhorov* [Russian Encyclopedic Dictionary (2020). Ed. A.M. Prokhorov] *Nauchnoe izd-vo «Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya»* [Scientific Publishing House «Great Russian Encyclopedia»]. Moscow.

7. Rezolyutsiya 1344 (2003). *Ob ugroze dlya demokratii so storony ekstremistskikh partiy i dvizheniy v Evrope* [Resolution 1344 (2003). On the threat to democracy posed by extremist parties and movements in Europe] *Arkhivnaya kopiya ot 02.07.2012 na WaybackMachine* [Archived copy from 02.07.2012 on the Wayback-Machine].

8. *Shankhayskaya konventsiya o bor'be s terrorizmom, separatizmom i ekstremizmom (Zaklyuchena v g. Shan-khae 15.06.2001)* [Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism (Concluded in Shanghai on 15.06.2001)]. URL: <http://www.kremlin.ru> (date of access: 23.10.2024).

9. Shebalina Ya. (2015) *Putin podpisal zakon o nepodsudnosti svyashchennykh knig* [Putin signed the law on the immunity of sacred books] *Vedomosti* [Vedomosti]. 23.11.2015.

10. Shestalo S.S. (2019) *Novyy raund bor'by s ekstremizmom: ugovovnaya otvetstvennost' za rasprostraneniye zapreshchennykh materialov v informatsionno-telekommunikatsionnoy seti Internet* [New round of the fight against extremism: criminal liability for the distribution of prohibited materials on the Internet information and telecommunications network] *Yurist* [Jurist]. No. 9.

11. Bulgakov S.N. (1909) *Geroizm i podvizhnichestvo* [Heroism and asceticism] *Vekhi* [Vekhi]. Moscow.

12. Karpenko V.I. (2006) *Psikhologicheskaya operatsiya «TERROR»* [Psychological operation «TERROR»] *Nauka* [Science]. Moscow.

13. Karpenko V.I., Rudakov A.B. (2013) *Novaya real'nost': Terror – DeConspiracione* [New reality: Terror – DeConspiracione] *O zagovore: sb. monografiy. Tovarišchestvo nauchnykh izdaniy KMK* [On the conspiracy: collection of monographs. KMK Scientific Publications Partnership]. Moscow.
14. Pirogov N.I. (1909) *Neizdannye stranitsy iz memuarov (politicheskaya ispoved')* [Unpublished pages from memoirs (political confession)] *O minuvshem* [About the past]. St. Petersburg.